

Елена
Арсеньева

любовь великих женщин

Прекрасные
авантюристки

Прекрасные авантюристки

Елена Арсеньева

**Лживая инокиня (Марья
Нагая – инокиня Марфа)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Лживая инокиня (Марья Нагая – инокиня Марфа) /

Е. А. Арсеньева — «Автор», — (Прекрасные авантюристки)

ISBN 5-699-04718-2

Кто они, прекрасные авантюристки, прославившие себя в нашем Отечестве? Что двигало этими женщинами, заставляя их искать приключений и пытаться изменить предначертанное судьбой? Почему, невзирая на трудности и опасности, шли они не по той тропе, которая ждала их от рождения, а по выбранной ими самим, отчего яростно спорили с волей небес, поражая и восхищая тем самым своих современников? Об ослепительном блеске и печальном закате звезды княжны Таракановой, о страстных авантюрах фаворитки Петра I Анны Монс читайте в исторических новеллах Елены Арсеньевой.

ISBN 5-699-04718-2

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

От автора	5
Лживая инокиня	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Елена Арсеньева

Лживая инокиня

Марья Нагая – инокиня Марфа

От автора

Слово «авантюристка» воспринимается нами как не очень почтенное. Что-то вроде обманщицы, мошенницы, чуть ли не спекулянтки. Согласно словарю Даля, «авантюрист – искатель счастья, приключений; землепроходец, проходимец».

Слово «авантюра» по-французски означает приключение. И авантюристка – или *авантюрьерка*, как очаровательно говорили в старину! – это не более чем искательница приключений. Совсем другое дело, верно? Если авантюристка все же мошенница, то она пытается не обмануть ближнего своего, а – обмануть судьбу.

Искать приключений, уметь переписать предначертанное тебе от века, обладать достаточной смелостью, чтобы пройти – или хотя бы попытаться пройти! – по другой тропе, чем та, которая ждет тебя от рождения. Споткнуться на этой тропе, упасть, свалиться в пропасть, выбраться снова на дорогу жизни или остаться лежать во прахе – но до самого смертного часа помнить, что хоть ненадолго, а все же удалось поспорить с непрекесаемой волею небес!..

Именно о таких женщинах, отмеченных в русской истории с первых лет ее исчисления, и рассказывается в этой книге.

Лживая инокиня Марья Нагая – инокиня Марфа

Июньским днем 1605 года по дороге к Троицкому монастырю мчала великолепная карета, запряженная шестеркой коней. День был прекрасный: солнечный, жаркий, но притом ветреный, свежий. И женщина, одетая в монашеское платье из дорогого, тонкого сукна, не могла оторваться от окна, потому что не могла отделаться от мысли: всю эту поющую, звенящую, шелестящую листьями, цветущую, зеленеющую красоту нарочно выставили обочь дороги – для нее, для услаждения ее взора, для увеселения ее сердца, давно отвыкшего радоваться. И все это сделал он – тот, кто прислал за ней великолепную карету, чтобы увезти, наконец-то увезти из постылого глухого монастыря. Тот, кто велел сопровождать ее почтительному, молодому, красивому всаднику по имени князь Михаил Скопин-Шуйский. Тот, в угождение кому готовят ей ночлег в лучших домах попутных городов, не знают, куда посадить, чем угостить...

Он – это царь.

Он – сын?..

Мечты, которые только и помогали ей выжить, продержаться в течение этих тягостных, страшных лет – сначала в Угличе, под неусыпным наблюдением соглядатаев подлого, коварного Бориски Годунова, потом в монастыре, затерянном среди лесов, – эти лихорадочные, казавшиеся несбыточными мечты готовы сделаться явью. Для этого нужно только одно. Красивый, лукавый и непреклонный князь Скопин-Шуйский намекнул, нет, прямо высказал: нужно, чтобы она, инокиня Марфа, бывшая царица Марья Нагая, последняя жена грозного государя Ивана Васильевича, признала своим сыном Дмитрием какого-то совершенно неведомого ей человека, назвавшегося этим именем.

Нужно солгать принародно...

Нет, почему – солгать? А вдруг это правда? Вдруг свершилось то чудо, о котором ей столько раз неумолчно твердил брат Афанасий, состоявший в тайной переписке с хитроумным Богданом Бельским? Слабым своим женским разумением она не знала, верить, не верить... А что оставалось делать, как не склониться пред судьбой, которая сначала даровала ей сына, а после отняла?

Отняла, чтобы вернуть! Вернуть и сына, и почести всенародные, и привольную жизнь, мягкую постель, сладкий кус. Распрямить согбенные плечи, заставить вновь заблестеть угасший было взор и смягчить в улыбке скорбные уста...

Или она мало страдала? Разве не имеет теперь права на ложь... тем более если и сама не уверена, правду скажет или нет?

С каждым днем, с каждым часом пути приближалась Москва. Приближалась встреча с сыном... О господи! Она и сама скоро поверит, что неведомый царь Дмитрий – истинно ее сын!

...Переночевали в Троице. Опасаясь потревожить сон государевой матушки, в монастыре все уgomонились чуть ли не засветло, и тишина воцарилась поистине священная. А между тем инокиня Марфа не спала. В келье, отведенной ей и больше напоминающей боярскую палату, она бессонно смотрела в темный проем окна, за которым медленно струилась звездная ночь, и думала лишь об одном: возможно ли, чтобы свершилось наяву чудо? Чудо спасения ее сына?

* * *

– Матушка-царица, – заглянула в комнату нянька Арина Жданова. – Изволь выйти к царевичу.

Мысли Марьи Федоровны, сидевшей у окна за пальцами, витали далеко-далеко от Углича, поэтому она от неожиданности вздрогнула и вонзила иголку под ноготь.

– Чего тебе? – сердито обернулась к няньке. Но тут же увидела, что глаза Арины полны слез, и схватилась за сердце: – Господи! Что с царевичем?.. Неужто опять на скотный двор побежал?

– Туда, государыня! – часто закивала Арина, которая по-прежнему обращалась к Марье Федоровне с тем титулом, которого она не носила вот уже семь лет – с тех пор, как овдовела.

Марья Федоровна отложила моточек жемчуга, воткнула иглу в вышивание и, как могла споро (бегать царице, даром что бывшей, все-таки невместно!), начала спускаться по лестнице терема.

К счастью, ее брат Афанасий Нагой успел на скотный двор раньше. Сойдя с крыльца, Марья Федоровна с облегчением увидела, что Афанасий ведет царевича, крепко придерживая за плечо, а тот хоть и рвется, но напрасно.

– Что ж ты, чадо мое, опять за старое принялся? – начала выговаривать ему царица. – Уже не раз божился, что больше не станешь, а сам-то...

Дмитрий зыркнул на нее исподлобья голубыми глазами и хмуро отворотился, принялся носком сапожка чертить какие-то разводы в белом песочке, которым были посыпаны дорожки во дворе.

Ну и нрав у этого мальчишки! Недобрый нрав! Хлебом не корми – дай пробраться на скотный двор, когда там скотину, быков или баранов, режут. А уж когда начнут на кухне головы цыплятам сворачивать, у него аж руки дрожат от нетерпения. Оттолкнет повара, сам вцепится в птицу...

– Известно: яблочко от яблоньки... – судачила прислуга. – Чай, *его* сын, *его* кровиночка!

Марья Федоровна, до которой доходили эти разговоры, знала: прислуга думала, что жестокосердие свое царевич унаследовал от отца, царя Ивана Васильевича. А значит, остается только терпеть его мстительность и жестокость, склонность к внезапному буйству, свойственные истинному сыну Грозного. Однажды зимой велел слепить двенадцать снеговиков, нарек их именами приближенных царя Федора Ивановича, своего старшего брата, и с криком: «Вот что вам всем будет, когда я стану царствовать!» – принялся махать деревянной саблей, напроочь снося снеговикам головы. Ох какая ярость горела в эти минуты в его глазах!

Марья Федоровна подступиться и окоротить царевича боялась. Послала Оську Волохова, сына мамки царевича, Василисы, но Оська едва успел увернуться от удара саблей – пусть деревянной, но переломить нос или челюсть набок своротить ею можно было запросто. Да уж, разойдясь, он делался поистине безумным – как-то раз сильно оцарапал мать, укусил за палец Василису Волохову, да как – до крови!..

Ох как тошно стало Марье Федоровне, когда она увидела этот прокушенный палец, когда утирала свою оцарапанную щеку! «Когда это кончится? – думала тоскливо. – Когда, о господи?»

Ответа не было. Она плакала и металась, боясь всего – настоящего и грядущего. В невзгодах людей часто утешают воспоминания. Однако светлых воспоминаний в ее жизни было раз два – и обчелся. А уж после того дня, как Богдан Бельский, ближний человек царя Ивана Васильевича, однажды явился в дом своих знакомцев Нагих и, словно невзначай, обмолвился, что государь задумал сызнова жениться...

...Жарким сентябрьским днем 1580 года по всей дороге от Москвы до Александровой слободы стояла пыль столбом. Шли пешие, кони тащили богатые повозки. Иван Васильевич Грозный решил сыграть свою седьмую свадьбу именно в слободе. Множество народу было звано на торжество.

Внезапно по дороге, вздымая пыль, с криками промчались верховые в нарядных терликах,¹ в собольих, несмотря на жару, шапках, увенчанных пышными перьями. Махали во все стороны нагайками, не разбирая родовитости или бедности. Народ раздался по обочинам, никто не роптал на полученные удары: знали – это расчищали дорогу для царской невесты, Марьи Нагой. И вот уже со страшной быстротой понеслась мощная тройка серых в яблоках коней, впряженных в легкую крытую коляску, сверкающую при закатном солнце, словно она была сделана из чистого золота.

Никто не мог припомнить, чтобы, по обычаю, были устроены государевы смотрины для выбора невесты, да, впрочем, этот обряд последнее время забылся. Последний раз смотрины состоялись чуть ли не десять лет назад, когда царь Иван Васильевич взял за себя Марфу Васильевну Собакину. О ней все, и бедные и богатые, и мужчины и женщины, говорили со странной нежностью и почтением, как будто внезапная смерть придала ей ореол некой святости. На Марфе и иссякла приверженность государя к обрядности. Анна Колтовская, Анна Васильчикова были избраны без всяких смотрин, не говоря уже о стремительно промелькнувших на дворцовом небосклоне прекрасной вдове Василисе Мелентьевой и злосчастной Марье Долгорукой. Вот и Марья Нагая взялась невесть откуда.

Можно сказать, что так оно и было. Небогатый, хоть и родовитый боярин Федор Нагой, сосланный еще в пору земщины и опричнины на житье в свою дальнюю вотчину чуть ли не под самую Казань, предназначал свою подрастающую дочь молодому соседскому дворянину. Девушка отцовской воле не противилась. Однако судьба сулила ей иное: однажды Богдан Бельский, всем известный государев любимец, по какому-то воинскому делу оказался в той вотчине и увидел Марью. Весь вечер он ее исподтишка разглядывал да рассматривал, а едва вернулся в Москву, как сообщил государю о необыкновенной красавице, виденной им у Федора Нагого.

Иван Васильевич не сразу решился взять Марью в жены. Ведь история с этой несравненной красавицей, увиденной одним из его приближенных в захудалой дворянской семье, почти точь-в-точь, вплоть до имени невесты, совпадала с историей Марьи Долгорукой, на которой он женился после смерти Анны Васильчиковой. Своенравная, ломливая, привередливая, к тому же очень быстро утратившая красоту, она скоро опостылела ему, поэтому Грозный горевал не слишком долго и спешил с новой свадьбой. Знал: хоть браки его теперь как бы и не совсем действительные, не одобрены патриархом, а все ж старое боярство более терпимо к государю не холостому, а женатому. Когда правит степенный семейный человек, оно охотнее идет на уступки, меньше боится разгула государевых страстей.

Узнав о прекрасной Марье Долгорукой, Иван Васильевич слишком долго не раздумывал: прибыл посмотреть девицу, нашел ее и в самом деле чудной красоты, хотя и несколько староватой (Марье шел двадцатый годок). Это его несколько смутило: почему засиделась в девках?

– Скрамница, каких свет не видывал, – сказал молодой князь Петр Долгорукий, делая постное лицо, словно сватовство государя его совсем не радовало. – Не выгонишь ее на посылки! А как в церковь идет, так вся укутается, словно старуха. Робкая...

После назойливой, наглой Аннушки Васильчиковой скромность эта была – как елей на душу, как повязка на рану! Иван Васильевич разнежился всей душой и порешил играть свадьбу как можно скорее.

Пусть и без разрешения патриарха, все прошло очень пышно. Венчались в Кремле. Народищу собралось!.. Наперебой звонили колокола всех церквей и соборов, простому люду было выставлено щедрое угощение. Мир и ликование!

А ночью он узнал о своем позоре: робкая девица-то вовсе не девица! Грозный расправился с Марьей Долгорукой и ее родней с беспрецедентной жестокостью, но теперь дул на воду и зарекся брать из родовитых семей дочерей, почему-либо засидевшихся в своих теремах. Опа-

¹ Род длинного кафтана с перехватом и короткими рукавами (стар. татар.).

сался, чтобы снова не провели его, стреляного воробья, на той же самой многовековой мякине: обгулявшейся невесте.

А Бельский не отставал: суетился, намекал, бормотал про необыкновенную красавицу Марьюшку, а капля, как известно, камень точит. За спрос ведь денег не берут – Грозный и решился поглядеть на Марью.

Богдаша оживился, содейл великую сватовскую суету. Мигом Нагие всем домом (отец, девка и пятеро братьев) были доставлены в Москву и размещены в своем старом доме. И вот в один из вечеров Бельский повез туда государя. Нагие кланялись в ножки, благодарили за великую милость: опала, по всему видно было, далась им чрезвычайно тяжело, они были ни живы ни мертвы от счастья, что воротились в столицу, ну а Марья, по обычаю, поднесла царственному гостю рюмочку зелена вина на подносе. Почему-то Иван Васильевич первым делом обратил внимание на этот поднос – самый простой, деревянный, правда, искусно источенный узорами, словно бабье кружево, – подумав усмешливо, что Нагие дошли до крайней скудости, и впрямь оправдывая свое родовое прозвание, а лишь потом поглядел на невесту. И понял, почему столь настойчив и даже назойлив был сердешный друг Богдаша.

Сколько ни перевидал, ни перебрал он в жизни баб и девок (иные злые шутники, слышь-ка, приписывали ему аж тысячу растленных им женщин, что было, конечно, полной нелепостью!), а все ж не видывал девушки красивее, чем эта Марьюшка. Взгляд против воли снова и снова возвращался к ней, словно к свечке в темной комнате, и в конце концов Иван Васильевич поймал себя на том, что жаждет видеть свет ее красоты всегда, каждый день.

Еле заметным кивком он выразил свое удовольствие, и пристально глядевший на властелина Богдан Бельский облегченно вздохнул: дело, кажется, слажено! Ведь его желанием непременно и как можно скорее женить государя на русской был страх перед предполагаемой английской невестой, о которой все чаще говорили при дворе. И с нашими-то, родимыми, натерпишься хлопот, пока найдешь дорогу к их сердцу, а уж к англичанке-то никак не вотрешься в доверие!

Да, с некоторых пор возникло у Ивана Васильевича новое и неодолимое желание: вступить в брак с самой Елизаветой Английской. Однако умнейшая королева-девственница прекрасно понимала, что русский царь грезит не о ней – ему нужна новая земля. Казань, Астрахань, Ливония, Урал, Сибирь и теперь Англия – еще одно звено в цепочке его могущества! Однако она не желала утратить ни грана своей королевской власти и преданности английских протестантов. Да, ей нужна Россия – как огромная, почти не освоенная иноземными купцами земля, что сулило англичанам огромные торговые выгоды. Елизавета добивалась прежде всего этого, однако она была слишком женщина, чтобы не пококетничать с этим русским царем как с мужчиной...

В конце концов игра надоела Грозному, и он на время оставил мысли о жене-англичанке. И тут-то Бельский подсуетился, сосватав государю красавицу Марью Нагую.

Посаженым отцом жениха был его сын Федор, посаженной матерью² – сноха Ирина. Другой сын, Иван Иванович, был тысяцким.³ Дружками были: со стороны невесты – недавно пожалованный в бояре Борис Годунов, со стороны жениха – князь Василий Иванович Шуйский. И вот наконец над склоненной Марьиной головой прочли молитву, туго заплели ей косы, возложили царицын бабий убор. Новая, странная жизнь началась для нее!

² Посаженый отец, мать – ряженные или прибеседные, заступающие место родителей при свадебных обрядах.

³ Тысяцкий – старший свадебный чин, главный распорядитель, благословляет и увозит жениха, платит за свадьбу, привозит домой молодых.

Она повиновалась отцу безропотно – и в голову не пришло бы противиться. К тому же льстило заискивание, с которым на нее начала поглядывать родня сразу же, как свершилось сватовство. Марьюшка понимала, что именно ей обязана семья прекращением опалы и возвышением. А ведь дело с соседом совсем уже было слажено, еще какой-то месячишко – и быть ей захудалой боярыней Крамской. Нет, уж всяко лучше, наверное, царицею, хоть жених и слывет извергом. И пусть за зверя-изувера, чем сидеть в вековухах или перебиваться с хлеба на квас.

Не одна птичка-бабочка летела на огонек тщеславия, подобно Марьюшке, не одна сожгла свои крылышки, поняв, что быть царицею – это прежде всего обречь себя на невыносимую скуку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.